

мнѣ могли бы отвѣтить, это: «чтобъ получить наслажденіе». Да, еслибъ я былъ цвѣтокъ или ко-рова, я бы и получилъ наслажденіе. Но, задавая, какъ теперь, себѣ непрерывно вопросы, я не могу быть счастливъ, даже и при самомъ высшемъ и *не-посредственномъ* счастья любви къ ближнему и любви ко мнѣ человѣчества, ибо знаю, что завтра же все это будетъ уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человѣчество—обратимся въ ничто, въ прежній хаосъ. А подь такимъ усло-віемъ я ни за что не могу принять никакого счастья, — не отъ нежеланія согласиться принять его, не отъ упрямства какого изъ-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счаст-ливъ подь условіемъ грозящаго завтра нуля. Это—чувство, это непосредственное чувство и я не могу побороть его.

Ну, пусть бы я умеръ, а только человѣчество оставалось бы вмѣсто меня вѣчно, тогда можетъ быть, я все же былъ бы утѣшенъ. Но вѣдь планета наша невѣчна и человѣчеству срокъ — такой же мигъ, какъ и мнѣ. И какъ бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на землѣ человѣ-чество,—все это тоже приравняется завтра къ тому же нулю. И хоть это почему то тамъ и необхо-димо, по какимъ-то тамъ всеильнымъ, вѣчнымъ и мертвымъ законамъ природы, но повѣрьте, что въ этой мысли заключается какое-то глубочайшее не-уваженіе къ человѣчеству, глубоко мнѣ оскорбитель-